СИНДРОМ ТЕАТРА. — КАК ОН СКАЗЫВАЕТСЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ РАБОТЕ.

Большой театр. — 1991. — 4 янв.

Я был директором Большого театра...

Михаил ЧУЛАКИ

* * *

Как известно, в медицине синдром — это совокупность признаков какой-нибудь болезни. Но синдром театра!? — признаки этого хронического недуга сказываются независимо от возраста и обычно сопутствуют человеку всю его жизнь.

С приоритетным отношением к интересам своего театра я столкнулся сразу же, как только переступил порог этого великолепного храма искусств, столь неожиданно ставшего на моем жизненном пути. И мне захотелось проследить, как с давних пор в театральной среде слагалась этика артистического товарищества, а также познакомиться с правовой основой, коей регулировались взаимоотношения артистов с Дирекциями дореволюционных и наследовавших им советских государственных театров.

Перебирая страницы прошлых театральных хроник, приходишь к выводу, что наибольшие хлопоты управленческому аппарату театров доставляли отнюдь не массовые цеха, — взаимоотношения с которыми всегда строились по типу коллективных договоров, — а наоборот, ведущие солисты — «звезды», условия работы которых подробно регламентировались строгими правовыми нормами: с каждым из них заключались отдельные договоры на сезон, а иногда и на более короткие сроки, даже на несколько отдельных выступлений. В договорах обычно указывалось, что артист обязан исполнять все роли своего амплуа по указанию Дирекции, предупреждавшей артиста не менее чем за две недели до каждого спектакля; и что артист обязан выступить в сезоне столько-то раз, за что ему выплачивается такая-то сумма гонорара; и что за каждый пропуск выступления артист штрафуется в размере разовой оплаты за спектакль, кроме случаев, когда его заболевание будет удостоверено врачом театра...

Как видим, условия довольно жесткие, зато и оплата труда артистов первого плана бывала в ряде случаев соответственной.

Вооружившись документами, я однажды выступил перед коллективом оперы и ознакомил собравшихся с договорами бывшей Дирекции императорских театров с Ф. И. Шаляпиным, Л. В. Собиновым и А. В. Неждановой, причем от себя добавил, что никто из этих замечательных артистов не сорвал ни одного спектакля, и что все они разучивали новые партии исключительно со своими личными постоянными концертмейстерами - аккомпаниаторами, и что на оркестровые репетиции они приходили, будучи уже абсолютно подготовленными.

Для подобного демарша я имел все основания. Незадолго до моего вступления в должность предыдущий директор (им был А. И. Анисимов) решил навести порядок в оплате труда небольшой группы наиболее именитых оперных артистов и заставить их выполнять всю установленную для них так называемую «охранную норму» из пяти выступлений в месяц при твердой зарплате и поквартальном учете. В то же время сами эти исполнители ролей центрального плана (кое-кто стал называть их «мушкетерами») считали, что за ту же зарплату они обязаны выступать не более двух раз в месяц.

Каждая сторона доказывала свою правоту, приводя следующие аргументы:

— дирекция, поддерживаемая ответственными работниками аппаратов Комитета по делам искусств и других вышестоящих организаций не могла даже в мыслях допустить, чтобы все эти Борисы Годуновы, Евгении Онегины, а тем более Мантуан-Мантуановичи и Лоэнгрин-Лоэнгриновичи* получали бы большую зарплату, чем люди, руководящие искусством!

— сами же «мушкетеры» исходили в выдвинутых ими требованиях из сравнения размеров получаемой в Большом театре зарплаты с материальным обеспечением коллег-артистов в крупных оперных театрах зарубежных стран.

Далее события развивались следующим образом:

— в начале дирекция, заручившаяся согласием вышестоящих инстанций, издала приказ по театру, согласно которому именитым артистам, спевшим лишь по 2 спектакля в месяц, было выписано соответственно по 2/5 их месячной заработной платы;

— но «мушкетеры» не стали получать урезанной зарплаты и сразу же обратились куда следует;

— оттуда последовал звонок, и Анисимову было сказано всего три обиходных слова, после чего незадачливый директор лично оббегал всех именитых и с трудом уговорил их получить зарплату в полном объеме...

Все это я узнал со слов самого А. И. Анисимова, который при сдаче дел усиленно предупреждал меня, чтобы я не связывался!

Когда я принял дела театра, оформление на пенсию небольшой группы самых выдающихся артистов было уже завершено. Это до чрезвычайности упростило мне переговоры об их дальнейшем участии в работе Большого театра. Поэтому, когда меня посетил для переговоров лидер и организатор «мушкетерского движения», я уже обрел твердую позицию в вопросе, решение которого считал крайне важным для дальнейшей художественной деятельности Большого театра. Я счел ключевым пункт пенсионного постановления, коим театру разрешалось привлекать знатных пенсионеров до 3-х раз в месяц для участия в спектаклях на условиях разовой оплаты в зависимости от сложности партии.

Поэтому, когда упомянутый лидер начал разговор со мной с требованиями заключить с ним договор на год по три ежемесячных спектакля, да еще по высшей ставке, то я сослался на точный смысл постановления и сразу же предложил ему и одному из его сотоварищей для начала выступить в ближайшем спектакле их репертуара — в опере «Садко», в ролях Варяжского и Индийского гостей, разумеется, с оплатой по низшему разряду, поскольку каждая из этих ролей является для них самой несложной, ибо состоит из одной лишь арии.

С этого началось распадение «мушкетерского содружества»: все они, исправно получая усиленные пенсии, постепенно втянулись в репертуар и были довольны разовыми выступлениями, регулярно предоставляемыми им театром.

Зато они были свободны от обременительной необходимости выучивать новые роли, а их за год набиралось по нескольку, в большинстве своем современных авторов. И лишь их лидер, посуливший им высокие заработки (пенсию, равную 4/7 от их прежней зарплаты в театре + три гарантированных разовых выступления по высшим расценкам, в сумме, составляющих еще 6/5 их прошлого штатного оклада), лишь он, на короткое время возглавивший «мушкетерское движение», остался в гордом одиночестве и (принципиально!) никогда больше не выступал в спектаклях Большого театра!

(Продолжение следует).

* Пародийная интерпретация имен известных оперных персонажей заимствована из фельетона «На верхнем до» С. Наринь-яни. Именно этот фельетон, помещенный в газете «Правда», послужил для обсуждения материально-правовых притязаний группы именитых пенсионеров на заре моего директорства.

(Продолжение. Начало см «Большой театр», №№ 33—35, 1990 г).

ИЗДАТЕЛИ ГАЗЕТЫ — ДИРЕКЦИЯ И ПРОФСОЮЗНЫЙ КОМИТЕТ БОЛЬШОГО ТЕАТРА СОЮЗА ССР

Ответственный за номер—член Совета общественных редакторов В. В. ЧАСОВЕННАЯ.